

Пётр Любестовский

Отчий дом

В купели белых черёмух

Весна вихрем ворвалась в город.

На исходе марта установились погожие дни, и щедрое солнце усиленно сушило вешние воды, отогревало землю, оживляло природу.

Так длилось и весь апрель, а в начале мая всё вокруг окрасилось в яркие зелёные цвета. За городом, в пойме реки Десны, на зелёном луговом ковре вспыхнули жёлтые огоньки одуванчиков. А по-над рекой закучерявились молодые ивы, распустили длинные косы берёзки, в белые одежды облачились кусты черёмушника, расточая на всю округу дурманящие запахи.

Заядлый рыбак Фёдор Асмолков, тридцатилетний хорошо сбитый мужик с добрыми светлыми глазами цвета вешней воды, всё свободное время проводил на реке. В пору цветения черёмухи хорошо шла на удочку белая рыба: язь, плотва, елец, голавль, уклейка.

Едва река входила в берега, Фёдор, захватив свои нехитрые рыбацкие снасти — телескопическую удочку, набор крючков, грузил, поплавков и небольшую подхватку, чуть свет направлялся к мосту через реку, чтобы перебраться на другой берег, густо поросший лозняком, ивой, крушиной и черёмушником.

В то погожее майское утро Фёдор встал по обыкновению рано, наспех перекусил и хотел тайком улизнуть из дома. Но жена услышала шаги, проснулась и добродушно, с грустью спросила:

— Опять на весь день — от зорьки до зорьки? А я всё одна и одна...

— Надюша, сегодня обещаю вернуться пораньше — дома есть дела, — заверил жену Фёдор. Подошёл к кровати, погладил пышные Надины волосы, наклонился, чмокнул в щёку. — Поспи, ещё рано...

За рекой, на высоком взгорье, виднелось большое старинное село Покровское, с полуразрушенной церковью — памятником архитектуры семнадцатого века. Фёдору доводилось бывать в этом живописном селе. Из Покровского была родом его жена, рано оставшаяся сиротой.

Окончив техническое училище, Фёдор был призван на Северный флот, а после увольнения

в запас устроился на завод токарем. Там и приметил бывший моряк молоденькую станочницу Наденьку Тихомирову, стройную, как берёзка, красавицу с синими глазами, похожими на утреннее небо весной, и русой косой, которую она укладывала венцом вокруг головы.

Фёдор долго любовался девушкой издали, а когда осмелился и проводил домой, то немало узнал о её нелёгкой судьбе. Мать Нади тяжело болела и ушла рано, когда девочке не было и десяти лет. Отец попытался заглушить горе вином. Как-то, возвращаясь с работы в сильном подпитии, свалился с моста в ледяную воду и утонул в Десне. Близких родственников у Нади не оказалось, и девочку, оставшуюся сиротой, направили в детский дом, где она хлебнула горя по самые глаза.

Фёдора глубоко тронула судьба девушки, и в его сердце закралась жалость к ней, а это, как известно, первый признак настоящей любви. Надя жила на частной квартире, экономила каждую копейку: в кино не ходила, скудно питалась, одевалась скромно.

Фёдор решил, что отныне ответственен за благополучие девушки, судьба которой оказалась так немилостива к ней. Парень был предельно внимателен к Наде, на каждое свидание приносил ей сладости, а с полочки дарил небольшие подарки, чем ещё больше расположил девушку к себе.

Асмолков всё чаще задумывался, как в дальнейшем облегчить Надину жизнь. Но о женитьбе пока не помышлял — сам ещё не встал как следует на ноги. Однако, видя, как за красавицей Надюшей увиваются ребята в цеху, Фёдор, боясь потерять девушку, всё же решился на ответственный шаг, будучи уверенным в том, что без Нади ему не прожить.

Мать Фёдора, Тамара Михайловна, не одобрила выбор единственного сына — бесприданница-невестка её не устраивала. И Фёдор, опасаясь, что Наде тяжело будет ужиться со сварливой свекровью, принял решение сразу же после свадьбы уйти с женой на частную квартиру.

Трудно пришлось молодым в первые годы совместной жизни. За непослушание родители помощи сыну не оказывали, и молодожёнам

приходилось рассчитывать только на себя. А своих средств едва хватало, чтобы свести концы с концами.

Но пару лет спустя умерла бабушка Фёдора — Дарья Семёновна, горячо любившая внука, по сути — его вторая мать, поставившая мальчишку на ноги. Как это ни прискорбно звучит, но старушка, уйдя в иной мир, облегчила участь молодой семьи, оставив в наследство внуку свою неказистую хибару.

Фёдор сумел потихоньку наладить старую избу — благо руки у него были хозяйственные: подвёл прочный фундамент, заменил подгнившие брёвна, перебрал полы, сменил подоконники и лутки, вставил новые рамы, обшил стены тёсом, перекрыл шифером крышу, пристроил большую светлую веранду. И дела у Асмолковых пошли на лад.

Теперь можно было подумать и о первенце. Но тут у Надюши раз за разом случилось два выкидыша. А потом она долго лежала в отделении гинекологии городской больницы, надеясь с помощью врачей всё исправить. Но при выписке слова лечащего врача не оставили никаких надежд: «Весьма сожалею, но у вас нет шансов иметь своего ребёнка...»

Надюша тайком плакала, виновато прятала глаза, а Фёдор всячески успокаивал жену и убеждал, что следующей весной аист обязательно принесёт им первенца. И сам свято верил, что в их доме рано или поздно зазвонят детские голоса и их жизнь наполнится новым смыслом. Однако время шло, и с каждой весной их надежды на первенца таяли, как прошлогодний снег.

Надюша, чувствуя свою вину, замкнулась и всё больше уходила в себя, постепенно отдалялась от мужа. А Фёдор не знал, как утешить её, как унять её душевную боль, как облегчить страдания.

Чтобы не видеть Надиных глаз, полных грусти и тоски, Фёдор уходил на реку. Там он был в своей стихии и на время забывал о беде, о глубокой печали в больших красивых глазах жены, а если и вспоминал, то с верой в то, что всё непременно наладится. «Если жить правильно, по совести, то всегда можно надеяться на перемены к лучшему, — утешал себя Фёдор, вспоминая слова своей мудрой бабушки. — Врачи ведь тоже люди и тоже ошибаются...»

На реке Фёдор давно облюбовал себе укромное место и с той поры старался его не менять. Особенно хорошо здесь было по весне, в дни обновления природы и буйного майского цветения.

Устроившись на старой поваленной раките, среди белых, словно заснеженных ветвей черёмухи, Фёдор, наладил снасти, подготовил наживку и забросил удочку под пышный ивовый куст, купающийся в тихой заводи.

Цветущая черёмуха искрилась на солнце белыми хлопьями, пьянила и дурманила сладким

ароматом, навевала светлые мысли, вызывала приятные воспоминания о первых свиданиях с Надей, о первых признаниях в любви, о первом поцелуе.

Но предаваться воспоминаниям мешала поклёвка, которая в это яркое весеннее утро была на редкость отменной. Фёдор едва успевал снять блеснувшую на солнце чешуёй плотвичку и наладить новую наживку, как поплавок вновь уходил под воду. Фёдор резко подсекал, и над водой, извиваясь и блестя серебром, взмывала новая рыбёшка. Фёдор наблюдал, как в чистой заводи играли стаи юрких рыб, мелькая тёмными спинками и красными плавниками, ловко заглатывая при этом его подкормку.

Он так увлёкся, что не сразу услышал, как в зарослях черёмушника кто-то тихо пропищал. Фёдор прислушался. Писк повторился. «Не могу понять, что это: птица — не птица?» — подумал про себя рыбак и вновь прислушался. Теперь ему показалось, что этот звук принадлежит младенцу.

Асмолков обернулся и вновь прислушался — слабый писк повторился. «Может, от черёмухового дурмана моя голова пошла кругом?» — мелькнула догадка у рыбака.

Фёдор встал, воткнул в землю удилище и тихонько направился в зелёную чащобу. Не пройдя и десятка шагов, под старым раскидистым деревом, на белой простыне из опавших лепестков черёмухи, он заметил розовый свёрток.

Фёдор подошёл ближе и увидел грудничка. Судя по всему, это была девочка. Она смотрела на него, не мигая, широко распахнутыми глазами. На пухлых щёчках ребёнка блестели прозрачные бусинки слёз. В одной из этих бусинок барахтался маленький коричневый муравей. Рядом лежала пустышка.

В этот момент ему послышалось, будто кто-то прошёл неподалёку, хрустя валежником. Асмолков тотчас сорвался с места и, раздвигая ветви кустарника, бросился в сторону тропинки, петляющей вдоль реки. Тропинка была пуста. «Наверное, показалось», — подумал рыбак.

Асмолков вернулся назад, заглянул под куст черёмухи, укрытый крупными белыми гроздьями, словно желая убедиться, сон это или явь.

Свёрток лежал на прежнем месте. Лицо девочки было красным. «Видимо, от крика», — подумал Фёдор. Девочка вновь пискнула. Фёдор робко шагнул к ней, поднял свёрток на руки. Подолом рубашки осторожно вытер лицо ребёнка, затем вытер и поднёс к губам пустышку. Девочка приняла её и сделала несколько сосательных движений.

Фёдор слегка поправил краешек одеяла, закрывавший подбородок девочки, и оттуда показала бумажка — тетрадный листок в клеточку, сложенный вчетверо. Фёдор вынул её, развернул. На листке небрежно было нацарапано: «Мне ребёнок не нужен. Я от него отказываюсь. У меня

он всё равно погибнет. А утопить его я не могу». Внизу стояла неразборчивая подпись.

Некоторое время Фёдор молча смотрел на малышку и о чём-то напряжённо думал. И вдруг почувствовал, что одеяло девочки снизу мокрое.

— Описалась, бедняжка! Надо скорее бежать до дому, — вслух произнёс Фёдор, словно подав себе команду.

Асмолков решительно сунул записку в карман, вернулся к заводу, смотал одной рукой удилице и стал пробираться сквозь густые кусты, оберегая розовый свёрток, будто драгоценную хрупкую кубышку, готовую рассыпаться от любого неловкого движения.

Встречные прохожие с удивлением смотрели вслед рыбаку, когда он с удочкой на плече шагал по полевой тропе в сторону города, прижимая к груди свёрток, закутанный в куртку-ветровку.

А Фёдор шёл, думал и не мог понять, как можно было бросить эту беспомощную кроху на произвол судьбы. Какой же надо быть бессердечной, чтобы так жестоко обойтись с родным человечком?! И как потом смотреть людям в глаза?! Как жить без совести, без чести, без любви?! «Всё в нашей жизни сводится к любви человеческой, — пришли на память слова бабушки. — Любовь облагораживает человека, делает его добрым. Кто этого не понял, тот не понял самого главного: только в любви наше спасение и счастье...»

— Вот, Надюша, нам Господь послал за наши страдания, — осторожно протягивая жене свёрток, с дрожью в голосе произнёс Фёдор, смахнув рукавом пот со лба.

— Откуда это? — всполошилась Надя, принимая свёрток и глядя на мужа встревоженным взглядом. — Где ты взял это милое глазастое существо?

— Всё потом объясню, — сказал Фёдор. — Сейчас надо перепеленать — она вся мокрая, а то, не ровён час, ещё заболит.

Надюша засуетилась, уложила ребёнка на кровать среди пухлых подушек, дрожащими руками достала из комода припасённое детское бельё: пелёнки, распашонки, пинетки, шапочки. Быстро приготовила ванночку с тёплой водой, распеленала девочку. Вместе с Фёдором искупали крошку. После водной процедуры Надюша укутала малышку в вафельное полотенчишко, тщательно вытерла, переодела, дала пустышку. А Фёдор тем временем хлопотал у плиты — готовил кипячёное молоко.

Девочка слегка попискивала, но все процедуры перенесла терпеливо, а когда наполнилась тёпленького молока, тотчас уснула среди пуховых подушек.

Надюша присела рядом на кровать, склонилась над малышкой, стараясь не дышать на неё.

— Ну и где ты нашёл эту кроху? — вновь взволнованно спросила она, не отрывая взгляда от нежного лица девочки.

— Там, на берегу, в зарослях белых черёмух, — показал рукой Фёдор в сторону реки. — Поначалу глазам своим не мог поверить. Думал, что это галлюцинации от сладкого черёмухового дурмана, на котором настоян воздух у реки. Потом, немного придя в себя, попытался отыскать того, кто оставил ребёнка на погибель. Но где там. Этого бессердечного человека след давно простыл.

— Ой, — воскликнула встревоженная Надюша. — И я не могу поверить! Таковую кроху на произвол судьбы бросить. Боже, какое же каменное сердце надо иметь, чтобы решиться на такой шаг?! Я бы день и ночь у церкви на паперти стояла с протянутой рукой, просила бы милостыню, но никогда бы не оставила свою кровиночку... А к нам не предъявят претензий? — испуганно посмотрела Надюша на мужа.

— Не волнуйся понапрасну, — нежно погладил руку жены Фёдор. — Никто нас не тронет. Я всю дорогу думал о том, как могло случиться, что именно нам, бездетным, ребёнок будто бы с небес свалился. И пришёл к выводу, что кто-то сделал это преднамеренно — подбросил ребёнка, заведомо зная, что своих детей у нас нет. И, зная нас, был уверен, что мы не оставим это милое дитя, обязательно подберём, вырастим и воспитаем достойным человеком.

— Неужели следили за тобой, изучали места, где ты бываешь? — с изумлением посмотрела Надюша на Фёдора. — А ведь могли поступить по-другому — например, положить свёрток с девочкой на наше крыльцо, но, видно, испугались, что здесь их кто-то заметит.

— Вполне возможно. Но всё могло произойти случайно. Хотя любая случайность не бывает просто так. Скорее, это свыше предопределено. Господь так повелел, зная, как велико наше желание иметь дитя. Но теперь это не важно. Главное, что ребёнок не пропадёт — он в надёжных руках.

— Но ведь могут малышку отобрать и направить несчастную в дом малютки. Кто поверит, что всё так вышло? — с горечью сказала Надюша.

— А у нас на этот случай имеется охранный грамота, — загадочно улыбнулся Фёдор.

Одним движением, словно фокусник, Фёдор извлёк из кармана записку и протянул жене. Дрожащими руками Надюша развернула листок, быстро пробежала глазами неровные строчки и заплакала.

— А вот это зря, — обнял жену Фёдор и прижал к своей широкой груди. — Не надо плакать, а то дочка проснётся. Лучше подумай, как мы её назовём. Май месяц на дворе. Я предлагаю назвать Майей. Очень красивое, светлое, весеннее имя. Ты не против?

— Нет, не против, — прошептала Надюша, одарив Фёдора ласковой, благодарной улыбкой.

Отчий дом

Отец Антона Русакова во время службы на границе участвовал в боевых действиях против афганских моджахедов. Получив тяжёлое ранение, был комиссован. Перед смертью позвал сына, натужно прохрипел:

— Береги мать, Антон. Помогай во всём. На тебя вся надежда. Не покидай родительский дом. Здесь ищи своё счастье... Изба наша состарилась, прохудилась. Приложи все силы, чтобы поставить новую. Работай и живи по совести, чтобы уважали...

После похорон Антон сквозь слёзы успокаивал мать:

— Мам, не плачь, я тебя никогда не брошу. Буду заботиться о тебе. Обязательно выполню наказ отца — построю новый дом. Будем жить вместе.

Слово своё Антон держал крепко. Нина Михайловна нарадоваться на сына не могла — настоящий хозяин. В посёлке все завидовали ей: «Путёвый парень вырос — заменил отца в доме».

Будучи студентом строительного колледжа, Антон деньги с матери не тянул. Жил на стипендию и подрабатывал. В выходные заглядывал домой, помогал матери по хозяйству. Когда настала пора идти в армию, узнал о льготе, освобождающей его от службы. И долго раздумывал, как поступить. Заметив озабоченность сына, Нина Михайловна сама завела разговор об армии и дала материнский совет:

— Иди служить, сынок. Будь как все настоящие парни. Обо мне не беспокойся. Здоровье, слава Богу, пока не подводит. Я буду молиться, чтобы ты вернулся живым и здоровым. Надеюсь, так и будет. Снаряд дважды не попадает в одну воронку. Хватит того, что отец пострадал во время службы.

Антон попросился служить на границу. В ту пору беспокойно было на Кавказе. Вслед за сослуживцами Антон подал рапорт о направлении в горячую точку, но начальник заставы отчитал его:

— У нас здесь тоже не курорт. Бывает и горячо. В это непростое время Родина доверила тебе крепко держать границу на замке. Гордись этим и старательно носи службу.

Отслужив, Антон вернулся в родной дом. Мать бросилась на шею, обняла, стала целовать.

— Заждалась тебя, сынок, извелась вся. Молилась, чтобы не попал в пекло... Возмужал. Стал ещё больше похож на отца. Отдохни, наберись сил.

— Ты лучше о себе подумай, мама, — прервал её Антон. — Вижу, как нелегко далось тебе эти два года — голова покрылась инеем. А мне некогда отдыхать. Надо ехать в город, работу искать. Деньги нужны на новую избу. Хатёнка наша скособочилась, в землю вросла, и латать её бесполезно.

— Не спеши, сынок. Слава Богу, жив-здоров. Остальное — дело времени.

Антон принял на должность бригадира в СМУ. Работал на совесть, нередко по две смены. Подменял бригадиров на других участках. Не чурался черновой работы: подрабатывал каменщиком, плотником, сварщиком.

Все деньги шли на стройматериалы. Средств не хватало, пришлось залезть в долги. Вскоре начал стройку. Привлёк подручных. Когда было туго, на помощь приходили друзья. Работал днём и ночью не покладая рук.

Дом вышел на загляденье. Добротный пятистенок с мансардой и окнами на юг вписался в живописный пейзаж усадьбы Русаковых. Женщины, проходя по улице, не могли удержаться от восторга. Советовали Антону:

— В такие хоромы нужна хорошая хозяйка.

— За этим дело не станет, — улыбался в ответ Антон.

Вскоре после новоселья Антон привёз из города белокурую длинноногую девушку с серыми с поволокой глазами. Нина Михайловна встретила гостей на крыльце.

— Мам, это Алина. Прошу любить и жаловать, — улыбнулся Антон.

— Милости прошу в дом, — слегка растерявшись, молвила хозяйка.

За столом хозяйка узнала, что Алина окончила институт культуры, работает в городском ДК. Молодые познакомились на концерте в честь призывников, где Антон исполнил армейскую песню под гитару.

После завтрака Антон предложил подруге прогуляться, посмотреть родительскую усадьбу, пройтись по посёлку, заглянуть на берег живописного озера, побродить по тенистым аллеям старинного дворянского парка.

— Ты увидишь, как красив наш посёлок в эту чудесную осеннюю пору. Деревья полыхают кострами — глаз не оторвёшь. Берёзовая роща золотом усыпана. А небо такое бездонное и такое притягательное, что не устаёшь любоваться этой голубой солнечной верходалью. В такие минуты душа поёт. За последние годы очень соскучился по родным местам...

Алина равнодушно выслушала друга и отказалась от прогулки:

— Мне надо отдохнуть. А вечером поедem в город. Я чувствую себя здесь не в своей тарелке, — выговаривала она Антону, попыхивая сигаретой.

Нина Михайловна очень удивилась, когда сын с подругой стали собираться в обратную дорогу.

— Что вы так мало погостили? Может, чем обидела?

— Нет, мам, нам надо в город. Срочные дела, — пояснил Антон. — Приедem в следующий выходной. Поможем картошку копать.

В следующий выходной Антон приехал один. Мать поинтересовалась:

— Что же Алина не приехала? Видно, не по нраву ей у нас?

— Она работает. Репетиции без конца. Готовит праздничный концерт.

— Знаешь, сынок, не получится ничего у тебя с ней. Разные вы люди.

— Мам, она красивая, мягкая по характеру, покладистая.

— С красоты воды не пить, как говорят в народе. Тебе, сынок, надо искать девушку другого склада — чуткую, живую, работающую. Ну какая из неё хозяйка будет в нашем доме?!

— Мам, я сам знаю, что Алина белоручка, к деревенскому труду не приучена, но это поправимо.

— Нет, сынок, без желания ничего не получится. Помнишь, отец любил повторять пословицу: «В наших силах привести лошадь к водою, но не в силах заставить её пить». Желание надо было прививать с детства. А теперь поздно. Да и не поедет она жить в село, если даже сутки здесь не выдержала.

— Мам, может, ты и права, но есть в ней что-то привлекательное. Пока не буду спешить. Снимем в городе квартиру, поживём. А там видно будет.

Антон продолжал каждый выходной навещать мать. Алина больше не приезжала. Нина Михайловна допытывалась у сына:

— Что же ты, сынок, всё один да один? Соседи интересуются: «Антон твой вроде женился, невестку тебе показал, а она хвостом мотнула и пропала. Видно, ей не по нутру сельская жизнь. Мог бы и селянку найти...»

— Мам, не знаю, что делать: Алина от родителей никуда. Живу у них. Относятся ко мне хорошо. По утрам Алина спит, а её мать готовит мне завтрак, провожает на работу.

— Смотри сам, сынок. Поживи, узнай. Только детей не спеша заводите.

Как-то Антон приехал к матери и заявил:

— Всё, мам, я ушёл жить в общежитие. Ты была права — разные мы с Алиной люди. Я работал по две смены, а все мои деньги уходили на дорогую косметику, наряды, украшения. Алина стремилась шикарно выглядеть, красиво отдохнуть, вволю погулять. А мне это претит. Перекантуюсь пока в общаге. У меня серьёзные планы. Дальше учиться думаю. А ещё хочу скопить денег, купить машину, чтобы чаще дома бывать, тебе помогать.

Осенью Антон поступил на заочное отделение института и вскоре был приглашён на должность главного инженера в солидную строительную фирму. С женитьбой не торопился. По-прежнему навещал каждую неделю мать, помогал ей. Ежедневно перезванивались.

Однажды по весне мать позвонила и обратилась к Антону за советом:

— Сынок! В посёлок приехали беженцы из Украины. Бежали от войны. Им негде жить. Хочу взять к себе семью. Как тымотришь на это?

— Мам, у тебя ангельская душа. Ну конечно, людям в такой ситуации надо помогать. Не от хорошей жизни бегут. На их долю выпало ужасное испытание. Не приведи Господь такое пережить. Не раздумывай, приглашай.

— Спасибо, сынок, за твоё доброе сердце. Я знала, что оно откликнется на чужую беду, и уже пригласила молодую семью из трёх человек.

Антон приехал в субботу. Осмотрев комнаты, с удивлением заметил:

— Не вижу наших гостей.

— Анфиса с дочкой в магазине. Она учительница. Вчера ходила в школу по поводу работы. Берут учителем русского языка и литературы. А пятилетнюю Дашу обещали устроить в детский сад.

— А где же глава семейства? — поинтересовался Антон.

— Виталий привёз их, переночевал и уехал. Он военный. Сказал: «Пока жив, буду защищать землю и людей Донбасса от бандеровской нечисти». Вот их фотография, — показала Нина Михайловна на столик в святом углу.

Антон подошёл, взял в руку фотографию в багетовой рамке. Вгляделся.

— Красивая пара...

— Красотой Бог не обидел, да счастья не дал, — раздался за спиной приятный женский голос.

Антон обернулся. Стройная, очень красивая девушка с выразительными светлыми глазами, полными тихой грусти, протянула ему руку:

— Давайте знакомиться. Меня Анфисой зовут. А это моя дочурка Даша, — показала она на голубоглазую девчушку, прильнувшую к ноге матери. — А вы сын нашей дорогой Нины Михайловны?

— Да, Антон Русаков, — смущённо улыбнулся он, протягивая в ответ руку.

И, слегка пожав худенькую ладошку незнакомки, поймал себя на том, что ощутил в пальцах тепло и лёгкое покалывание. Он отвёл руку, погладил по голове девочку.

— Простите, что без спроса взял вашу фотографию...

Анфиса достала из пакета продукты.

— Давайте попьём чайку, — предложила она.

— По такому случаю не грех выпить по чарке, — сказал Антон, доставая из спортивной сумки бутылку вина и коробку конфет. — А это, Дашунька, тебе, — протянул он девочке плитку шоколада.

Нина Михайловна и Анфиса быстро накрыли стол. Когда все уселись, Антон разлил вино по рюмкам и предложил:

— За наше знакомство, за благополучие, за то, чтобы на вашей братской земле как можно быстрее установился прочный мир!

За столом завязалась беседа. Русаковым хотелось больше узнать об Анфисе, её муже, который встал на защиту родной земли с оружием в руках, об их родителях, которые остались там, под огнём. Но Антон и его мать старались не задавать лишних вопросов. Откровенность, как известно, по просьбе не получается. Анфиса сама приоткрыла душу.

Она рассказала, что родом из-под Луганска, из сельской семьи. Училась в Донецком университете. На одном из студенческих вечеров познакомилась с Виталиком Гуренко. Он сирота. После учёбы поженились. Уехали в Луганск. Работали в одной из школ. Жили дружно, в любви и согласии. Родилась дочь. Когда началась война, село, где жили родители Анфисы, оказалось на линии огня. Во время обстрела в их дом попал снаряд. Дом сгорел, родители погибли. И тогда Виталик оставил работу, вступил добровольцем в армию ЛНР и поклялся, что будет сражаться, пока на Донбассе не наступит мир. Луганск постоянно подвергался обстрелам, и Виталик убедил жену не рисковать, уехать с дочкой в Россию.

— Люди сошли с ума. Свои убивают своих. Господи! Вразуми их, просвети их души омрачённые... — взмолилась Нина Михайловна.

— Да-а-а, — сказал Антон. — Вначале собственными руками разрушили великую державу, теперь пошли рушить дальше, убивать друг друга. И куда придём?! Кому-то выгодно славить людей, ослаблять, наживать на чужом горе капитал. Но наш братский народ не сломить — это показала история. Жаль только жертв, безвинно страдающих женщин, стариков, детей... А вас мы в обиду не дадим, — обратился Антон к Анфисе, заметив в её глазах слёзы. — Я оставлю телефон. Понадобится помощь — обращайтесь. Чем смогу — помогу. Жизнь наша чего-то стоит, когда в ней нуждаются...

Антон уехал. И каждый вечер звонил матери, справлялся о здоровье и о том, как идут дела у Анфисы, как чувствует себя Даша и нет ли новостей от Виталия. Нина Михайловна подробно рассказывала сыну:

— Анфиса вышла на работу. Коллектив принял хорошо. Детки рады, что у них такая красивая и добрая учительница. Провожают её до дома после уроков. Даша ходит в садик. Ей там нравится, много игрушек. Анфиса помогает мне. Пора сейчас горячая, много работы. В палисаднике разбила цветник. В огороде засеяла грядки. Всё у неё ладится. И Дашу приучает к труду. Виталик звонил, обещает приехать.

— Мам, я теперь буду реже навещать дом, хотя меня сейчас как никогда тянет в родные стены. Но я не хочу, чтобы злые языки навредили Анфисе. Ведь я холост, а она в разлуке с мужем. Поползут сплетни.

— Ты правильно рассуждаешь, сынок. Фиса — душечка. Не надо ей лишних переживаний. И так настрадалась. Мы потихоньку управимся сами.

Антон заглянул в отчий дом на майские праздники. Привёз подарки и сладости. После завтрака мать по секрету рассказала ему, что Анфиса интересовалась, почему Антон редко приезжает. Просила передать привет...

Антон это сообщение взволновало, и, чтобы не выдать себя, он поспешил в сад. Анфиса вышла следом, увидела, что Антон окапывает деревья, предложила свою помощь.

— Отдохни, Анфиса. Ты и так много трудишься, — сказал Антон. — Давай лучше посидим в беседке, полюбуемся этой волшебной красотой, — с дрожью в голосе предложил он. — Люблю эту пору, когда белой пеной вскипают сады, когда по посёлку плывут сладкие дурманящие запахи. Жаль только, что мимолётны эти мгновения, как и жизнь человеческая.

— Прекрасное тем и прекрасно, что мимолётно. Будь иначе, мы бы привыкли к этим прелестям и не замечали бы их. Если бы у человека было две жизни, разве он восторгался бы этой красотой, ценил бы её?! Люди и одной жизнью не дорожат — сплошь раздрай, войны, конфликты. А ведь дороже жизни ничего нет, и надо ценить её, свою и чужую. Каждый день, каждое мгновение в ней дорого до слёз. «Ах, если б каждый раз так видеть землю, будто одно лишь это утро осталось про запас».

Антон посмотрел на Анфису и увидел в её глазах слёзы.

— С Виталием всё в порядке?

— Ждём. Обещал приехать, — уткнулась лицом в ладони Анфиса.

— Не надо, — погладил её по плечу Антон. — Будь сильной.

Вечером Антон сказал матери:

— Мам, пойду к Серёге Синицыну. Он сейчас один — жена сбежала к родителям. Посидим, потолкуем, поговорим за жизнь. Заночую там. Анфисе ничего не рассказывай, куда и зачем ушёл.

Нина Михайловна одобрительно кивнула головой.

Утром, подходя к дому, Антон заметил возле крыльца незнакомца в камуфляжных брюках, с крепким торсом. Парень обливался водой.

Антон подошёл, протянул руку.

— Доброго здоровья! Будем знакомы — Антон Русаков.

Парень вытер полотенцем влажную руку, пожал руку Антона.

— Здравия желаю! Виталий Гуренко.

После завтрака Виталий предложил Антону:

— Давай посидим в саду. У меня к тебе важный разговор.

Они прошли в беседку, присели. Виталий молчал. То ли волновался, то ли собирался с мыслями. Наконец слегка дрожащим голосом сказал:

— Спасибо, что приютили мою жену и дочь. Я вечером уезжаю. Вижу, что ты надёжный мужик, поэтому обращаюсь с просьбой: если со мной что-либо случится, поддержи мою семью. У нас из близких никого не осталось...

— Об этом не думай, — сказал в ответ Антон. — Думай лучше о том, как сберечь себя. Они любят тебя и ждут. О семье не беспокойся.

После майских праздников Антон уехал в город, вышел на работу. Не прошло и недели, как позвонила мать. Сквозь слёзы проговорила:

— Сынок, срочно приезжай. У Анфисы огромное горе. Ей сообщили, что Виталик погиб...

Антон помчался домой.

Анфиса сидела на диване в чёрной косынке, тихо плакала. Её затуманенные глаза были устремлены в одну точку, где на столе в святом углу стояло их семейное фото. Уткнувшись головой в колени матери и слегка вздрагивая, лежала Даша. Антон присел рядом. Обнял обеих...

Он довёз Анфису с дочкой до украинской границы. Там их встретили сослуживец Виталика и его жена.

Расставаясь, Антон взял на руки Дашу, поцеловал. Потом подошёл к Анфисе, сунул ей в карман деньги, обнял и дрожащим голосом прошептал:

— Возвращайтесь. Я буду вас очень ждать.

И ласточки крыльями машут

Лизе Герасимовой пришло письмо из Германии. Она не думала и не гадала, что у неё есть родственники за границей, да ещё в дальнем зарубежье.

Лиза выросла в детском доме и от воспитателей знала, что она круглая сирота. Отец в пьяном угаре убил мать, за что получил длительный срок. Из колонии не вернулся — умер от туберкулёза. В том же детском доме с Лизой находился её младший брат Павлик. Лиза хорошо помнила, как однажды за Павликом приехала молодая пара и увезла его в неизвестном направлении. Лиза плакала, бежала следом, когда уводили братика, который оглядывался и тоскливыми глазами смотрел на неё. Незнакомая женщина гладила Лизу по голове, успокаивала, обещала, что скоро вернётся за ней. Семилетняя Лиза не поверила и проплакала тогда всю ночь. Ей было очень жалко маленького брата, которого увезли чужие люди. Лиза считала, что больше его не увидит.

Позднее, когда Лиза подросла, воспитатель рассказала ей, что Павлика усыновила молодая бездетная пара. Собирались удочерить и Лизу, так как братьев и сестёр разлучать нельзя. Однако с Лизой у них ничего не вышло. Поговаривали, что причиной тому были документы, по которым брат и сестра носили разные фамилии. Лиза в детдоме была

Лютиковой, а брат — Богатырёвым. Да и отчества у них были разные. Вот чиновники и посчитали, что дети не родные, хотя мать у них была одна.

Лиза выросла, окончила техникум, вышла замуж, сменила фамилию, родила троих детей. И всё это время не забывала о брате, всячески пыталась разыскать Павла, наводила о нём справки. Работники социальных служб объясняли ей, что они не знают, где искать Павла, но если бы и знали, всё равно не дали бы адреса, потому что не имеют права разглашать сведения об усыновлённых детях.

Тогда Лиза обратилась к подруге по работе:

— Света, у тебя есть компьютер. Посмотри, не ищет ли меня мой брат Павел Богатырёв, которого усыновили в шестилетнем возрасте.

— Хорошо, — сказала та, — я попробую сделать запрос.

Девушка выложила в интернет данные о Лизиним брате и о ней. Придя на смену, сообщила подруге:

— Запрос послала. Пока никаких ответов нет. Будем ждать и надеяться. Конечно, отыскать будет сложно. Ведь твоему брату наверняка сменили фамилию, а может, и имя дали другое.

Время шло, Лиза продолжала ждать, но вестей всё не было.

И вот неожиданно-негаданно пришло письмо. Лиза копалась в огороде, когда знакомая почтальонка отворила калитку и махнула ей рукой. У Лизы тревожно забилося сердце, когда она, подойдя к крыльцу, заметила в руке почтальонки большой конверт с золотистой полоской и штемпелями. Ещё больше удивилась, когда взглянула на письмо и увидела иностранные буквы.

— Что ты, Лиза, так побледнела? — спросила почтальонка. — Письмо из Германии, от некоего Пауля Ланке. Может, брат твой нашёлся...

— Кто его знает? — дрожащим голосом ответила Лиза, вытирая руки о подол платья. — Мне говорили, что его усыновила русская семья.

— Пути Господни неисповедимы, — заметила почтальонка, присаживаясь на лавочку у крыльца.

Лиза присела рядом, стала рассматривать конверт, поглаживать рукой, словно опасаясь его открыть. Потом спохватилась, сбежала в дом, принесла ножницы и аккуратно обрезала краешек конверта. Дрожащими руками вынула небольшой белый листок, сложенный вдвое, развернула, стала читать. Текст письма был написан от руки на русском языке.

«Дорогая сестра Лиза, здравствуй! Пишет тебе твой брат Павел Богатырёв, ныне Пауль Ланке. Я живу в Германии, в городе Вольфсбург, земля Нижняя Саксония. Будучи сиротой, был усыновлён в России в возрасте шести лет. Помню, что в то время находился в детском доме. Со мной в этом же доме находилась моя сестра, которой

в ту пору исполнилось семь лет. Сестру звали Лиза. Немецкие родители пытались удочерить сестру, но им отказали. Родители мои — немцы с Поволжья. После усыновления переехали в Германию. Многое из того, что они рассказали мне, когда я вырос, я запомнил. Родители дали мне свою фамилию и немецкое имя — Пауль.

Я окончил школу, затем колледж. Родители помогли мне со стартовым капиталом, и я открыл свой бизнес. Сейчас я владелец небольшого ресторана, который приносит неплохой доход. Зная, что у меня в России есть сестра, я, встав на ноги, начал поиски тебя, старался узнать твой адрес. Прошло немало времени, пока через волонтеров удалось отыскать твой след — ведь ты вышла замуж, сменила фамилию...

Получишь письмо, дай, пожалуйста, ответ, сможем ли мы встретиться. Хочу увидеть тебя и готов сразу же отправиться в дорогу, в твой город, где ты проживаешь с семьёй. До встречи в России! Твой брат Павел».

— Ну вот. Я же говорила тебе, что от брата, — сказала почтальонка, глядя на Лизу, вытирающую слёзы рукавом платья. — И чего теперь плакать? Надо приглашать в гости.

— Чем угощать-то буду?! В долгах как в шелках. Мой Витька лишился прав и теперь не работает. Мы просто бедствуем. Хлеба не всегда вдоволь. Хорошо хоть старшего сына в училище кормят, а маленьких — в школе.

— Ничего, брат богатый, — утешила почтальонка. — Ему деликатесы не нужны. Пусть наши хлеба отведают. Возьмёшь немного денег в долг, а он поможет рассчитаться.

— Я и так взяла кредит, когда Витька чужую иномарку разбил. Долг — как аркан на шее: не даёт дышать. Растёт не по дням, а по часам. Мне теперь никогда не рассчитаться. Придут, опишут всё, а нас на улице...

— Не бросайся в панику, Лиза. Господь вначале послал тебе испытания, а теперь посылает помощь в лице брата. Приглашай в гости. Он не оставит тебя в беде. Обязательно выручит. Ведь душа-то у него русская...

Старший сын Димка приехал вечером из училища и застал мать в слезах. Лиза сидела на диване, гладила конверт рукой и тихо всхлипывала.

— Mam, что случилось? Папка обидел? — насторожился сын.

— Нет, сынок. Письмо получила из Германии. Брат Павел нашёлся, твой дядя. Хочет встретиться. А потчевать чем будем? — дала волю слезам Лиза.

— Чем Бог послал, — по-взрослому рассудил Димка. — Отказывать нельзя.

Лиза протянула сыну письмо. Тот пробежал его глазами и сказал:

— Надо готовить ответ. А потом будем думать, как встретить.

Вечером, когда управились с делами, Лиза с сыном сели писать письмо. Писали до полуночи, а получилось полстранички тетрадного листа.

«Здравствуй, мой дорогой братик Павел! Получила твоё письмо и обрадовалась до слёз, что ты нашёлся, что жив и здоров. До сих пор не могу успокоиться. Ведь, кроме тебя, у меня близких родственников на этом свете нет. Я тоже тебя искала, писала в передачу „Жди меня“, но так и не смогла разыскать.

Живу с семьёй на окраине небольшого городка. Муж Виктор — водитель, но пока безработный. Попал в аварию и лишился водительских прав. Помогает мне по хозяйству. Я окончила торговый техникум, работаю в магазине. У меня трое детей. Старший сын Дима учится в училище на крановщика. Ему четырнадцать лет. Это моя надежда и опора. И двое школьников — восьмилетний сын Андрюша и доченька Алёнка, семь лет. Живём скромно. В хозяйстве только поросёнок да куры.

Ты ничего не написал о семье: женат или нет? Будем рады, если сможешь приехать с семьёй. Передавай привет своим приёмным родителям. Огромное им спасибо за то, что протянули тебе руку помощи в трудную пору. Приглашаем всех вас в гости. Приезжайте. С нетерпением ждём. До встречи! Твоя сестра Лиза Герасимова (Лютикова)».

Погожим августовским днём Павел подкатил к дому сестры на такси. Лиза заметила гостя в окно, всплеснула руками, выбежала во двор, бросилась в объятия брата, зарыдала. Павел тоже прослезился. Так и стояли, обнявшись, во дворе и плакали, пока на крыльце не показались дети. Павел по очереди поцеловал их — вначале Алёнку, потом Андрюшу и Диму. Следом вышел хозяин. Они обнялись с Виктором, похлопали друг друга по спине.

— Ну а теперь помогайте носить в дом подарки, — на чисто русском языке сказал Павел, показав на пухлые пакеты, сложенные на лужайке.

Павел был строен, широкоплеч, с крупным волевым лицом. Русые волнистые волосы чуть тронула на висках седина. Плащ бежевого цвета сидел на нём плотно. Особую солидность гостю придавали роговые очки. Лиза заметила, что Павел часто улыбается, и эта улыбка напомнила ей мамину улыбку, наполненную затаённой грустью. К горлу Лизы подступил горячий ком...

Первым делом Павел вручил всем подарки. Хозяйка дома, получив в подарок золотые серёжки в красивой прозрачной коробочке, не сдержалась, бросилась на шею брату, разревелась. Вслед за подарками Павел выставил на стол вино, выложил продукты.

Лиза долго не могла успокоиться — не верила, что у неё такой видный, красивый и душевный брат. Она хлопотала на кухне и тайком вытирала

кончиком фартука невольные слёзы, которые катились и катились.

Накрыв на стол, пригласила всех на обед. По русскому обычаю, взрослые подняли стаканы за встречу, за здоровье гостя, пожелали Павлу чаще заглядывать на родину, поблагодарили за подарки, а его приёмных родителей — за их добрую душу. Павел смущался, радовался тёплой встречи, сердечному приёму.

После обеда, когда все устроились на диване, Лиза принесла семейный альбом и предложила брату посмотреть фотографии. Павел открыл альбом и заметил старую, пожелтевшую от времени фотографию.

— Это единственная фотография нашей матери, которая сохранилась, — сообщила брату Лиза.

— Я маму совершенно не помню, — признался Павел, пристально всматриваясь в нечёткое изображение.

Молодая женщина в белой кофточке, с козынькой на плечах, сидела на лавочке и с грустью смотрела вдаль.

— Это сосед сфотографировал, когда мама ждала пьяного отца, — пояснила Лиза. — Он и убил её по пьяной лавочке...

Дальше было несколько фотографий из детского дома. На одной из них худенькая девочка вела за руку маленького мальчика по берёзовой аллее.

— Неужели это мы с тобой? — спросил Павел, взглянув на сестру.

— Да, я веду тебя из столовой. Всегда следила, чтобы ты покушал.

— Припоминаю, как ты отдавала мне свои пирожки, говоря, что ты их не очень любишь. Нередко тайком прихватывала что-либо в столовой, а вечером подкармливала меня, положив продукты под подушку, — посмотрел Павел на сестру благодарными глазами. — А ещё хорошо помню, как ко Дню Советской Армии воспитатель поручила мне выучить стихи и как читал их потом наизусть: «У самой границы, в секрете, я зоркую службу несущу... И сердцем с родными краями в такие часы говорю... И ласточки крыльями машут, и топится чья-нибудь печь... И всё это — Родина наша, а Родину надо беречь». Так мне это врезалось в память, что больше всего на свете хотел вернуться домой, увидеть тебя и наших деревенских ласточек...

— А почему ты не женат до сих пор? — нерешительно спросила Лиза.

— Всё по той же причине, — сказал Павел. — Мечтал вернуться на Родину, жениться на соотечественнице... И живётся мне там неплохо, и родители у меня замечательные, но немцем себя не ощущаю. Чужое всё — тянет домой.

— Ох, братец, как ни трудно мне здесь приходится, — тяжело вздохнула Лиза, — но я не смогла бы жить в другой стране. Посмотри, какой

простор: заливной луг, ивы над рекой, облака плывут в синеве, словно лебеди...

— И ласточки крыльями машут, — грустно улынулся Павел.

— Да, и всё дорого до слёз. И люди у нас добрые. А на них как раз и мир держится, как земной шар на трёх китах... А это наш детдом, — показала Лиза на старое фото. — Здесь ты провёл полтора года, а я — целых десять лет.

— Заглядываешь туда? — поинтересовался Павел.

— Бываю каждый год. Там всё та же директор Клавдия Петровна Беляева, заменившая мне мать. Теперь уже старенькая. Помнит тебя. Каждый раз спрашивает, нет ли от тебя вестей. И наша воспитатель ещё работает...

— Давай навестим их. Я вызову такси, — предложил Павел.

— Ты бы отдохнул с дороги, — сказала Лиза. — Нас сосед довезёт.

Час спустя они уже были в старинной живописной помещицкой усадьбе за городом, где находился детский дом. Красивое строение из красного кирпича спряталось под сенью вековых деревьев. На площадке у входа играли дети. Слева и справа от высокого крыльца на клумбах цвели пышные цветы, источавшие нежный аромат. Гости прошли по коридору, постучали в дверь с табличкой «Директор». Вошли, поздоровались. Из-за стола поднялась маленькая, сухонькая, седая женщина с миловидным лицом и, слегка прищурясь, вышла им навстречу.

— Здравствуй, Лизонька! А это кто будет? Неужто Павлик? — певуче произнесла директор, обнимая гостью.

— Да, Клавдия Петровна, это мой братик. Вот сегодня приехал...

Павел подошёл, обнял директора, поцеловал.

— Это вам, — сказал он, протягивая купленный по дороге большой букет ярких осенних цветов.

Клавдия Петровна растрогалась, уронила слезу.

— Простите, — сказала она, вытирая платочком глаза. — Не ожидала увидеть сегодня таких дорогих гостей.

Директор позвала секретаря, попросила принести чаю. За чаем вспоминали сиротское детство, детдомовские годы, усыновление Павла.

— Я была так рада, что ты приглянулся той красивой паре, — сказала директор. — У вас никого не осталось, и я подумала, что у этих милых людей вам будет лучше. Но с Лизой не вышло, и я переживала, что разлучила вас.

— Спасибо вам, дорогая Клавдия Петровна! — сказал Павел. — Вы сделали что могли. У меня сложилось всё хорошо. Мои родители оказались русскими немцами и вскоре переехали в Германию. Там я имею своё дело и хочу отблагодарить вас за материнскую заботу обо мне и моей сестре.

— Вы подарили прекрасный букет цветов! Это для меня высокая честь!

— Быть может, детский дом в чём-то нуждается? Я готов помочь.

— Нет, спасибо! О нас сейчас хорошо заботятся, — сказала директор и задумалась. Потом перевела взгляд на Лизу, обратилась к ней: — Лиза! Тебя хотела видеть воспитатель Анна Павловна Данилова.

— Я скоро вернусь, — сказала Лиза и вышла из кабинета.

Директор встала, прикрыла плотнее дверь, пошла к Павлу, положила руку на плечо.

— Павел, сестра не рассказала тебе о своём бедственном положении?

— Нет. А что вы имеете в виду? — насторожился Павел.

— В начале года её муж Виктор попал в аварию. Сам чудом выжил, но разбил чужую машину — дорогую иномарку. Права у него отняли, а за машину хозяин выставил солидный счёт. Лиза продала корову, мотоцикл мужа и, чтобы погасить долг, взяла большой кредит под высокие проценты. Но выплачивать кредит нечем, и долг растёт, как снежный ком. Семья живёт впроголодь. У них могут отнять дом. Прошу тебя, помоги им, если сможешь.

— Почему же сестра не сказала мне ничего? — удивлённо спросил Павел.

— Она и мне ничего не сказала. Я узнала это от одной общей знакомой.

— Конечно, я решу этот вопрос, чего бы мне это ни стоило, — заверил Павел Клавдию Петровну. — Лиза — единственный мне близкий человек, и я считаю своим долгом помочь ей. Часто вспоминал там, в Германии, как она заботилась обо мне, нередко отдавая мне свою порцию...

Когда вернулись домой и вышли из машины, Павел предложил сестре:

— Лиза, давай присядем в саду, поговорим о жите-бытье.

Они прошли в глубину сада, где под кустом рдеющей рябины стояла небольшая скамейка. По глазам Лизы было видно, что она догадывалась, о чём пойдёт разговор, и заметно заволновалась. Павел взял её за руку.

— Лиза, расскажи как на духу, какие трудности у вас в семье?

— Павел, у меня большая беда, — всплакнула Лиза. — Я попала в капкан и трепыхаюсь в нём, хотя знаю, что мне не вырваться... Мой Виктор работал водителем у частного, получал неплохо. Я — в магазине продавцом. Заработок хоть и невелик, но стабильный. Всё складывалось хорошо.

Мы планировали купить «Газель», чтобы работать на себя, а не на дядю, построить гараж. Дети подрастали, росли и траты. В ту несчастную ночь Виктор не спал — сильно болел зуб. Утром я сказала ему, чтобы взял отгул, но он пошёл на работу. А ближе к обеду мне позвонили: «Виктор в больнице. Попал в аварию. Разбил дорогую иномарку и сам пострадал». Я бросилась в больницу. Врач сообщил, что у мужа разрыв селезёнки. Сделали операцию. Когда пустили к Виктору, он поведал, что дорога была скользкой, не справился на повороте с управлением, врезался в новую иномарку, стоявшую на обочине. Слава Богу, в ней не было людей. Мужа лишили на год прав, а владельцы машин, выставили счета. За одну машину я рассчиталась, продал корову и мотоцикл. А на иномарку — взяла кредит в банке под большие проценты и попала в такую кабалу, что вовек не выбераться. К нам уже приходили молодчики, грозились отнять дом и пустить нас по миру...

Лиза горько заплакала. Павел обнял её, спросил: — Сколько вы должны банку?

Лиза сквозь слёзы тихонько назвала сумму.

— Я погашу ваш долг через пару дней, — заверил сестру Павел.

Лиза вскочила, бросилась на землю, упала перед ним на колени.

— Братец мой дорогой! Буду всю жизнь за тебя Бога молить!

Павел подхватил её, усадил рядом, обнял, вытер слёзы на щеках.

— Не надо, дорогая сестрица, успокойся! Мы же родная кровь и должны помогать друг другу. Я куплю вам «Газель», дам деньги на корову и гараж.

Лиза уткнулась в грудь брата головой и зарыдала, вздрагивая всем телом. В горле у Павла защекотало.

— Ну вот!.. Зачем же плакать? Всё хорошо, — гладил он её по голове и шептал: — Если бы ты только знала, как я рад помочь тебе...

На исходе лета Павел уезжал в Германию. Герасимовы вышли проводить его. Во дворе, сверкая краской, стояла новенькая «Газель». Все по очереди обнимали Павла, плакали.

— Теперь жду вас в гости, — взволнованно повторял он.

Напоследок Лиза трижды перекрестила Павла:

— Мой дорогой братик! Господь не оставит тебя за твоё доброе сердце.

Направляясь к машине, Павел оглянулся, помахал рукой.

В яркой бездонной синеве над домом мелькали ласточки-касатки.